

Д. Н. ИВАНОВ

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ И ТУРЕЦКО-ЕГИПЕТСКИЙ КОНФЛИКТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1830-Х ГОДОВ

Начало 1830-х годов ознаменовалось на Ближнем Востоке первым турецко-египетским кризисом. Египетский паша Мухаммед-Али, стремясь воспользоваться ослаблением Османской Порты после поражения в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., поднял мятеж против своего сюзерена турецкого султана Махмуда II. Посылая своего приемного сына Ибрагима-пашу на завоевание Сирии, Мухаммед-Али надеялся добиться не только передачи этой провинции под его управление, но и сделать свою власть наследственной. Однако успехи египетской армии, разгромившей посланные против мятежника силы, оказались столь впечатляющими, что со всей серьезностью можно было говорить о возможной смене династии в Константинополе. Мухаммед-Али поддерживал тесные связи с Францией, а Англия, в силу ряда внутри- и внешнеполитических обстоятельств, так же не была склонна оказать султану действенную поддержку. На просьбы Махмуда II о помощи первой откликнулась только Россия. После того, как дипломатическая миссия Н. Н. Муравьева в Египет не принесла ожидаемых результатов, Николай I принял решение проинформировать турецкого султана о возможной военной помощи, если последний о ней попросит. Перед угрозой стремительно продвигавшейся на Север египетской армии, Махмуд II вынужден был воспользоваться предложением недавнего врага. Направленные в Босфор для защиты Константинополя и султана военные суда Черноморского флота и, чуть позже, десантные войска (в итоге в Буюк-Дере стояли почти все боеспособные линейные корабли и фрегаты, которыми Россия располагала на Черном море) поставили перед европейскими дворами, и в первую очередь перед

Великобританией и Францией, вопрос о пересмотре позиции относительно турецко-египетского конфликта. 4 мая 1833 года в Кутахье был заключен мирный договор, который не устраивал ни одну из подписавших его сторон: Махмуд II был вынужден выполнить почти все требования египетского паши, выдвинутые еще в начале конфликта, а Мухаммед-Али полагал, что если бы не вмешательство России и спровоцированные ею действия других Великих держав, он мог бы рассчитывать на большее.

В этом контексте подписание между Россией и Турцией 26 июня 1833 года Ункяр-Искелесского договора представляется вполне обоснованным шагом для обеих сторон: Махмуд II, убедившись в неспособности защитить себя даже от одного из собственных вассалов, был вынужден искать поддержку вовне, а Николай I, последовательно занимавший в ходе турецко-египетского кризиса сторону султана, представлялся вполне разумным выбором; для России, в свою очередь, было важно сохранить спокойствие на своих южных границах и Османская Порта, не только ослабленная в ходе последней русско-турецкой войны, но и нуждающаяся во внешней поддержке против египетского паши, вполне отвечала этим интересам. Договор же давал России право, в случае угрозы официальной власти в Константинополе, вмешаться и восстановить утраченный ее status quo в проливах.

Поскольку угроза Константинополю исходила преимущественно с юга, обеспечить быструю вооруженную поддержку турецкого трона можно было только силами Черноморского флота: корабли могли прибыть в проливы за неделю, тогда как Дунайской армии потребовалось бы минимум вдвое больше времени.

Таким образом, перед Черноморским флотом в дополнение к традиционным задачам (какими считались защита берегов России от возможной агрессии со стороны Турции, борьба с контрабандной торговлей и поддержка операций сухопутных войск на восточном побережье Черного моря) прибавилась еще одна: защита Османской империи от нападения извне (в первую очередь подразумевался египетский паша).

Трудность настоящего положения заключалась в том, что турецко-египетский конфликт уже во время разрешения первого кризиса вышел за рамки не только внутривоенных дел, но и за пределы двусторонних русско-турецких отношений, в границах которых Россия старалась удерживать все отношения со Стамбулом. Более того, энергичные меры, предпринятые Николаем I в защиту наследственной власти Османской империи вызвали едва ли не большее негодование Лондона и Парижа (а так же, пусть в не столь явной форме, и других европейских дворов), нежели успехи Петербурга в минувшей русско-турецкой войне.

Впервые после 1833 года мы встречаем упоминание о подготовке Черноморского флота к плаванию в Босфор под 1835 годом. Спу-

стя два года после кризиса ни одна из сторон (ни турецкий султан, ни египетский паша) еще не считала себя достаточно сильной, чтобы нарушить установившееся положение вещей. Между тем, никто не мог с уверенностью сказать, сколько продлится это хрупкое равновесие. Поэтому, когда император в сопровождении А. С. Меншикова отправился за границу, начальник главного морского штаба оставил возглавлявшему Черноморский флот М. П. Лазареву соответствующие инструкции: «ежели бы по каким-либо чрезвычайным политическим обстоятельствам (в ожидании коих, впрочем, мало вероятий) понадобилось 1-ю бригаду, расположенную в Крыму пехотной дивизии переправить в Босфор в отсутствие Государя Императора, то Ваше превосходительство получите о сем высочайшее повеление к исполнению, через г. генерала — адъютанта графа Чернышева»¹. Можно предположить, что Николай I оставил А. И. Чернышеву и подробные инструкции, и широкие полномочия для принятия решений, в том числе по международным вопросам. В противном случае пока сообщение от М. П. Лазарева шло бы до А. И. Чернышева, а от последнего до царя, ответ в Николаеве был бы получен недели через 4. В самом лучшем случае. Так что ни о каком оперативном реагировании на изменение положения в регионе уже не могло быть и речи, а смысла получать инструкции через военного министра не было никакого. Судя по тому, что этот документ не сопровождался обширной перепиской, исполненной отчетов о проделанной работе и предложений по приведению Черноморского флота в боевую готовность в кратчайшие сроки, распоряжение было просто принято к сведению.

Теперь обратимся к действиям Черноморского флота в связи со вторым турецко-египетским кризисом. Рассматривая эту проблему, нам предстоит ответить на следующие вопросы: собиралась ли Россия принимать участие в усмирении Мухаммеда-Али силой оружия? Была ли она к этому готова? От кого должен был защищать Константинополь русский флот?

Положение Турции в начале второго турецко-египетского конфликта 1838–1841 гг. было весьма сложным: предприняв попытку с помощью военной силы покорить мятежного вассала, Махмуд II направил против Мухаммеда-Али армию, которая была разбита Ибрагим-пашой в битве под Низибом, сам султан скончался спустя несколько дней, оставив после себя 16-летнего Абдул-Меджида, а турецкий флот почти в полном составе перешел на сторону египтян. Но в отличие от начала десятилетия, когда Англия и Франция придерживались в отношении египетского паши благожелательно-нейтралитета, а помощь России казалась едва ли не более опасной, чем взбунтовавшийся вассал, теперь европейские дворы немедленно выступили в защиту Порты, а англо-французские суда

¹ РГА ВМФ. Ф. Р1529. Оп. 2 Д. 322 л. 5.

расположились недалеко от Дарданелл. Министр иностранных дел Великобритании Г. Д. Пальмерстон инструктировал посла в Стамбуле Д. Понсонби, чтобы он проинформировал молодого султана о готовности Великобритании оказать ему военную помощь². Таким образом, вмешательство ведущих европейских держав на начальном этапе развития кризиса давало надежду, что реальная угроза столице Османской Империи и существующей там династии так и не возникнет.

Однако действия Черноморского флота, связанные с подготовкой к новой Константинопольской экспедиции поражают своим размахом, последовательностью и основательностью. Они переживают несколько этапов, когда работы по приведению судов и войск для десантной операции в боевую готовность усиливались на один-два месяца, а потом «затухали» на длительный период. Всего таких «всплесков» было три: август 1838; июнь-сентябрь 1839 и август-октябрь 1840 г.

Первый из них не имел прямого отношения к турецко-египетскому притовостоянию и был, по всей видимости, вызван подготовкой англо-турецкого торгового соглашения. Непосредственной угрозы России этот договор не представлял, но вызывал обоснованное беспокойство, несмотря на предупредительность турок в отношении их русского союзника.

В этих условиях Николай I отдает приказ о подготовке Черноморского флота к перевозке десанта в Босфор³. Согласно мнению А. С. Меншикова, Черноморский флот⁴ мог принять на борт одну дивизию без лошадей и обоза. Он отмечал, что минувшая и текущая кампании истощили запасы морской провизии и ввиду предстоящей экспедиции необходимо заготовить новую в расчете на 6 месяцев, что потребует дополнительно до 1,5 миллионов рублей. Скрыть приготовления провизии он предлагал под видом снабжения провизией укреплений на Абхазском и Менгрельском берегах. Однако примечательно здесь вовсе не это, а то, какие проблемы рассматривал А. С. Меншиков в ответном письме от 13 июля 1838 г.: он предполагал, что по пути к Босфору наши корабли с десантом на борту могут встретиться в Черном море с англо-французским флотом. В этом случае российским судам предполагалось отступить к Севастополю, избегая сражения. По мнению начальника Главного морского штаба можно было ожидать нападения неприятеля

² Daly John C. K. Russian seapower and the Eastern Question 1827–1841. Annapolis, 1991, p. 141, 146

³ РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 172 л. 49

⁴ На 1838 г. в составе Черноморского флота находилось: 13 линейных кораблей (всего 1154 орудия), 10 фрегатов (552 орудия), 17 транспортных судов (общей грузоподъемностью 4807 тонн), 7 парусов, 5 корветов, 1 шлюп, 13 бригов, 4 шхуны, 4 люгера, 9 тендеров, 2 яхты, 1 бомбардирское судно, 2 призовых судна, 3 лодки (РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3759. Лл. 3–5).

на российские укрепления на Абхазском берегу, причем, как полагал А. С. Меншиков, все небольшие укрепления будут потеряны. С другой стороны, по его мнению, англо-французского десанта можно было не опасаться: «Десанта значительного морские державы в короткое время собрать не могут», из того, что у них есть в Алжире, на Мальте и Корфу они не смогут выделить достаточных сил для захвата Дарданелл, а для обеспечения тыла потребуются значительные приготовления, скрыть которые будет невозможно. В конце своего письма А. С. Меншиков заверил императора, что Черноморский флот будет готов к любому повороту событий⁵. Таким образом, возможность вооруженного выступления против России англо-французского флота рассматривалась на самом высоком уровне. Еще более замечателен ответ Николая I: необходимо как можно скорее занять Босфор, а возможно и Дарданеллы, «Ежели б опоздали мы, то, разумеется, не до десанта дело, а до защиты наших берегов. Разумеется с флотом дома сидеть не будем, и ежели неприятель к нам пожалует, то при равных силах будем меряться, при превосходных сидеть и ждать у моря погоды (подчеркнуто в документе — Д. И.). Погода же будет та, что я направлю сухопутные силы прямо на Царьград. Впрочем, вероятно всех этих необходимостей неправдоподобно, и, кажется, Али — паша не сладит еще дома, не только, что дерзнет повелевать морем, но нам все-таки должно быть готовым на все»⁶

В связи с вышеприведенными документами М. П. Лазареву было направлено предписание за подписью А. С. Меншикова от 7 августа 1838 г. В документе сообщалось, что Николай I распорядился «на случай могущей встретиться, но впрочем еще не определенной, надобности в присутствии нашей военной силы в Босфоре» приготовить Черноморский флот к тому, чтобы в случае необходимости быстро перевезти 13-ю и 15-ю пехотные дивизии в два рейса в Босфор и принять участие в боевых действиях. В предписании указывалось, что министерство финансов выделило на заготовление шестимесячного запаса морской провизии для флота и десантного отряда (примерная численность последнего оценивалась в 20–24 тысячи человек) 1 000 000 рублей, из которых 500 000 должны были быть выданы Лазареву «немедленно», а остальные — по мере надобности. А. С. Меншиков предписывал Лазареву как можно скорее прислать расчет средств на: а) вооружение флота; б) морскую провизию для флота и двух пехотных дивизий; в) сумму денежного заграничного содержания⁷. Скрыть заготовление полугодичного запаса провизии на 30 тысяч человек было невозможно, а пригото-

лениям надлежало придать как можно более естественный характер. В силу географической изолированности Черноморский флот кроме Турции мог иметь только одного противника — горцев. Связать военные приготовления с Кавказом было единственной альтернативой, позволявшей скрыть правду и избежать ненужных домыслов, если не давать официального объяснения. О том, что такое «гласное» предписание последует, Меншиков проинформировал Лазарева в том же документе от 7 августа⁸. В «гласном» предписании Николай I велел Черноморскому флоту взять на себя «снабжение продовольственным запасом действующих отрядов Кавказского корпуса и всех пунктов и укреплений, занятых нами на берегах Абхазских; равно как и отрядов флота, у сих берегов крейсирующих». Продовольствие должно было заготавливаться на годичную компанию⁹. Меры для выполнения распоряжения были приняты в кратчайшие сроки. Министр финансов Е. Ф. Канкрин сообщил М. П. Лазареву, что уже отдано распоряжение об ассигновании по 250 000 рублей из Таврической и Херсонской казенных экспедиций¹⁰. М. П. Лазарев сразу же по получении предписаний начинает активную деятельность. В приказе обер — интенданту Черноморского флота и портов от 16 августа 1838 г. он распорядился о заготовлении годового запаса провизии. Поскольку суда абхазской экспедиции имеют определенные запасы, заготовление провизии можно вести из расчета на 5 тысяч нижних чинов. К заготовлению годовой провизии приказывалось приступить немедленно и для экономии времени закупать припасы за наличный расчет¹¹. Последнее распоряжение должно было насторожить внимательного наблюдателя, так что насколько эффективной была избранная конспирация, сказать сложно. Однако поскольку иной версии выдвинуть не представлялось возможным, оставалось придать ей максимальную достоверность. Столкнувшись с необходимостью оценить степень готовности Черноморского флота к компании, М. П. Лазарев обращается в интендантство. Обосновывая свой запрос, он пишет, что в ближайшие осень и зиму Черноморскому флоту возможно придется действовать в полном составе у Черкесских или Абхазских берегов¹². Из всего вышеперечисленного, можно было сделать вывод, что Россия вознамерилась предпринять решительные действия на Кавказе и либо окончательно покончить с сопротивлением горцев, либо положить конец контрабандной торговле черкесов. К 20-м числам августа интендантство смогло представить первый отчет. Согласно рапорту от 24 августа 1838 г. были отданы распо-

5 РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 172. Лл. 49–50.

6 РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 172. Л. 49. См. так же РГА ВМФ. Ф. Р1529. Оп. 2. Д. 322. Л. 6.

7 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 1–2.

8 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 1–2 об.

9 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 3–3 об.

10 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 10–10 об.

11 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 4–5.

12 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 6–6 об.

ряжения на заготовку различных припасов и материалов. Все это предполагалось доставить в Севастополь в текущем году. Ориентировочно все запасы должны были обойтись в 651 085 рублей 18 копеек¹³. Одновременно начали поступать сведения о прочих нуждах флота: требовались мушкетный порох, армяк и другие запасы на сумму в 122 681 рубль¹⁴. Сумма затрат на исправление вооружения¹⁵, ремонт судов и тому подобные нужды составила 503 314 рублей 19¾ копейки¹⁶. Получив необходимые сведения, М. П. Лазарев обратился в Херсонскую и Таврическую казенные палаты с просьбой выслать по 250 000 рублей в Николаев в распоряжение интендантства Черноморского флота¹⁷. Тогда же он смог отчитаться перед Меншиковым о проделанной работе. Принятые меры обеспечивали заготовление 5 тысяч порций в расчете на год, что составляло двухмесячный запас продовольствия для 10 тысяч флотских и 20 тысяч сухопутных чинов. Кроме этого, на складах Черноморского флота хранилось провизии еще на 4 месяца. Эти ресурсы должны были обеспечить снабжение сухопутных войск во время их перевозки в Босфор. Как отмечал Лазарев, на суше снабжение сухопутных войск согласно предписанию Меншикова от 7 августа ложилось на плечи сухопутного ведомства¹⁸. В конце Лазарев давал смету расходов, необходимых по Черноморскому флоту для приведения его в готовность к экспедиции, согласно которой общие затраты оценивались в 2 495 870 рублей¹⁹. При этом следует помнить, что выделенный 1 000 000 рублей предполагался изначально только на заготовление морской провизии (на что Черноморский флот рассчитывал истратить чуть более 650 000 рублей), а не на весь комплекс мероприятий, связанных с подготовкой экспедиции.

Если в отношении заготовления провизии и приведения флота в готовность некоторые меры были приняты, то в отношении десантного отряда приготовлений не наблюдается. Кроме сообщения в предписании от 7 августа о дивизиях, назначенных в экспедицию, о них нигде не упоминается. Все это говорит о том, что подготовка десантной операции носила прелиминарный характер и не более того. Меры по заготовлению продовольствия были предприняты, поскольку это была проблема, которую нельзя решить в течение нескольких месяцев. Подготовка десантного отряда занимала куда меньше времени и была куда заметнее, завуалировать ее было сложнее, а потому она и не производилась, коль скоро необходи-

мость в осуществлении десантной операции была под сомнением. С подписанием 16 августа 1838 г. англо-турецкого договора обострения международных отношений не произошло и видимой опасности ни для Турции, ни для России не возникло. Царь утвердил возвращение 13-й и 15-й пехотных дивизий после окончания летних занятий в Севастополь на зимние квартиры и переводе 13-й пехотной дивизии в Одессу²⁰. Правда, на этих квартирах войска постоянно находились «под рукой» и могли быть посажены на суда за несколько дней. Николай I велел приостановить перевозку флотских чинов из Николаева в Севастополь до особого повеления²¹. Таким образом, в Петербурге старались избежать видимости подготовки к военным действиям. Особенно это касается запрета на передислокацию флотских чинов, поскольку недоукомплектованность судовых команд была явлением обычным²², а маневрирование имевшимися силами — крайне редким.

Однако наличные силы предпочитали держать в состоянии повышенной готовности. Одна из дивизий оставалась на зимних квартирах в Севастополе. Для сравнения, в 1833 г. только в Одессе были сколько-нибудь значительные воинские соединения²³. Показателен и рапорт М. П. Лазарева А. С. Меншикову от 2 ноября 1838 г.: на Черноморском флоте до особого приказа было приостановлено действие циркуляра, согласно которому разрешалось уволить в домовые отпуска нижних чинов хорошего поведения. Эта мера объяснялась тем, что флот надо было держать в боевой готовности²⁴. Интересно и письмо А. С. Меншикова М. П. Лазареву от 7 декабря 1838 г., в котором говорилось, что согласно повелению Николая I разрешалось временно разоружить Черноморский флот при условии, что его вооружение займет не более двух недель. Кроме того, предписывалось произвести осмотр и очистку трюмов²⁵. Это было

13 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 13–15 об.

14 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 30–31.

15 Имеется в виду исправления такелажа и парусного вооружения.

16 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 19–19 об.

17 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 12.

18 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 34–34 об.

19 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 38–38 об.

20 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 44–44 об.

21 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 46–46 об.

22 В 1833 г. нехватка личного состава в большинстве флотских экипажей составляла до 1\10 от всего личного состава экипажа, причем в основном это были старослужащие, находившиеся в отпусках, чье отсутствие было особенно заметно в условиях подготовки к военным действиям (РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 25. Л. 21). Причем когда суда первой эскадры вышли на рейд, то на линейных кораблях состояло по 575 матросов, хотя штатное число команд варьировалось от 734 (на 84-пушечном «Императрица Мария») до 776 (120-ти пушечный флагман «Память Евстафия»), всего же на судах находилось 4597 флотских чинов (РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 298с. Л. 14). Причем к моменту отплытия эскадры ситуация не претерпела серьезных изменений: по состоянию на 2 февраля 1833 г. на борту судов первой эскадры находилось 4684 человека (РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 298с. Л. 36).

23 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 298с. Лл. 59–59 об.

24 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 48–48 об.

25 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 49.

сделано, чтобы избежать износа парусов и такелажа во время стоянки судов.

Таким образом, флот простоял в боевой готовности все время, пока шли англо — турецкие переговоры. Угрозы для Турции эти переговоры не несли, однако на Черноморском флоте были приняты беспрецедентные за последние пять лет военные приготовления. Это характеризует международную ситуацию тех лет как взрывоопасную. Складывается впечатление, будто в России опасались, что англичане в ходе переговоров могут попытаться оказать вооруженное давление на своего партнера (агрессивная политика Англии на Востоке в преддверии подписания соглашения от 16 августа 1838 г. давала к тому повод). Великобритания полагала их успешное завершение чрезвычайно важным и в случае угрозы срыва или появления серьезных разночтений между сторонами Пальмерстон мог не ограничиться поднятием на щит жалоб английских купцов на турецкие власти. Предпринятые действия и методы, избранные Петербургом для «замораживания» подготовки Черноморского флота к десантной операции, со всей очевидностью продемонстрировали, что Николай I серьезно рассматривал возможность использования Черноморского флота в Босфоре в случае обострений на Востоке.

В этом духе было написано распоряжение А. С. Меншикова от 19 мая 1839 г. о том, что Николай I повелел, чтобы 60 тысяч месячных порций всегда были в запасе Черноморского флота. Этот запас предполагалось в надлежащие сроки освежать обменом на провизию, заготовленную в обыкновенный запас²⁶. Это распоряжение было отдано через месяц после того, как турецкий султан начал поход на египетского пашу. Прекрасно помня, чем кончились столкновения Махмуда II с Мухаммедом-Али, в Петербурге имели все основания опасаться за судьбу Константинополя. А поскольку необходимость поддержать султана могла возникнуть в любой момент, наличие продовольственного запаса для снабжения десантных войск было не лишним.

Между тем из Турции поступили известия о смерти султана Махмуда II и о восшествии на престол Абдул-Меджида. Лазареву они были сообщены «С чувством живейшего сожаления» в письме А. П. Бутенева от 20 июня 1839²⁷. Вместе с этим письмом начался второй «всплеск» активности Черноморского флота в связи со вторым турецко-египетским кризисом — самый продолжительный (до сентября 1839 г.), но и самый «вялый» из трех.

Сведения, сообщенные Бутеневым, были посланы до того, как стало известно, что турецкая армия была разбита на равнине Незиб 12 (24) июня. Несмотря на успокоительные сведения из Стам-

була, Лазарев посчитал необходимым принять меры предосторожности. В распоряжении командиру Севастопольского порта вице — адмиралу Авинову от 25 июня 1839 г. значилось, что «для предупреждения каких — либо перемен в сношениях с Оттоманской Портою, я предписываю... чтобы ... все корабли и фрегаты, находящиеся в Севастопольской гавани, немедленно были по всем частям исправлены»²⁸. Подобная предосторожность не была излишней. В годы первого кризиса Махмуд II опасался восстания в Константинополе в пользу египетского паши, а смена султана на фоне нового кризиса и вполне вероятного поражения турецких войск от Ибрагима — паши (которое вскоре и произошло) создавали благоприятные основания для смуты в центре слабеющей империи. Русские войска могли потребоваться в Стамбуле в любой момент, тем более, что, исходя из опыта 1833 г., ситуация на Востоке могла коренным образом измениться в течение нескольких дней. В связи с этим вполне ожидаемым выглядит письмо Лазарева Бутеневу от 27 июня 1839 г., в котором он просит «не оставить ... уведомлений Вашими о тех обстоятельствах, из положения дел в Турции, о которых Вы изволите признавать нужным при какой — либо перемене же настоящих отношений сего государства к России, извещать меня для благовременных и соответственных тому же распоряжений по Высочайше вверенному мне флоту»²⁹

Что касается военных приготовлений, то они приобретают иной характер, нежели за год до того. Согласно рапорту С. П. Хрущева от 27 июня 1839 прибывшие в Севастополь 6 кораблей и фрегат по снабжению провизией на четыре месяца были введены в Севастополь и командирам было предписано позаботиться, чтобы они по первому требованию могли выйти в море³⁰. Обратим внимание, что суда были введены в гавань, а не оставлены на рейде. Чтобы вывести суда в открытое море требовалось, как правило, несколько дней. В 1833 г. суда специально держали на рейде, что позволило им отплыть немедленно по получении письма от Бутенева. Видимо, М. П. Лазарев полагал, что немедленная опасность Константинополю не грозит и в случае чего у Черноморского флота будет несколько дней, чтобы выйти из порта и отплыть по назначению. Такое решение было наиболее разумным: продвижение Ибрагима — паши в сторону Константинополя заняло бы некоторое время и тревожные сведения успели бы достигнуть Севастополя. Держать же суда на рейде было нецелесообразно: загружаться продовольствием, боеприпасами и заниматься исправлением мелких повреждений корпуса и такелажа было сподручнее в гавани, в то время как на рейде даже в ходе стоянки могли появиться новые

26 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 64–64 об.

27 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4092. Л. 1.

28 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4091. Л. 7.

29 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4092. Л. 3

30 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4091. Лл. 10–10 об.

неполадки. То, что суда сразу же принимали на борт продовольствие, говорит, что на большой запас времени в случае осложнений на Востоке М. П. Лазарев тем не менее не рассчитывал.

События, происходившие в Турции, привлекли внимание не только командования Черноморского флота. Со своей стороны проявил интерес к ним и российский чрезвычайный посланник при короле Греции Катакази, который 4 июля 1839 г. отдал приказ командиру шхуны «Ласточка» лейтенанту Истомину под видом «запасения морской провизией» отплыть в Смирну, чтобы уточнить складывавшуюся обстановку. Дело в том, что турецкий флот вышел из Дарданелл в Архипелаг, в то время как около Силистрии находился египетский флот, а недалеко от него плавала английская эскадра. Французская же эскадра контр-адмирала Лаланда находилась в Смирнинском заливе. Предполагая, что подробные сведения об этих силах могут быть полезны России, Катакази велел Истомину выяснить дальнейшее движение всех четырех флотов, но при этом не дать повод «к неблагоприятным толкам со стороны иностранцев»³¹

Первые известия о действиях иностранных флотов стали известны М. П. Лазареву из письма А. П. Бутенева от 1 августа 1839 г. Посланник сообщал, что английская эскадра (один трехдечный и восемь двухдечных кораблей, два фрегата, корвет, бриг, два парохода) под командованием адмирала Роберта Стопфорда присоединилась к французской эскадре под командованием контр-адмирала Лаланда (пять кораблей, фрегат, бриг и пароход). Бутенев нашел нужным сообщить, что в Смирну прибыла шхуна «Ласточка», отправленная Катакази для крейсирования в Архипелаге, которая по дороге встретила английскую эскадру у острова Порос. Не было известно, те ли это суда, что находятся у острова Тенедос, но российскому консулу в Дарданеллах было приказано получить полный перечень судов обеих эскадр. При этом сообщалась интересная подробность: принц Жоанвильский, начальник штаба при адмирале Лаланде, прибыл инкогнито в Константинополь и намеревался остаться в городе на длительное время, необходимое для осмотра всего, что могло показаться интересным³²

Наибольшее внимание привлекают следующие факты. Во-первых, ни в этом, ни в других документах не упоминается битва на равнине Незиб 12 (24) июня 1839 г. Второе, что обращает на себя самое пристальное внимание — это соединение англо — французских сил в Эгейском море, состоявшееся накануне подписания коллективной ноты посланников пяти держав при Порте Оттоманской (27 июля 1839), о которой Бутенев также не упоминает.

Однако вернемся к сведениям, которые поступали из Эгейского моря и Константинополя. Скоро М. П. Лазарев смог лично озна-

комиться с тем, что удалось узнать Истомину во время его плавания. В рапорте на имя М. П. Лазарева от 7 августа 1839 г. из порта Пирей была приложена копия рапорта командира шхуны «Ласточка» действительному статскому советнику Катакази. 10 июля шхуна снялась с якоря в порте Пирей и 11 августа прибыла на о. Сира. Господин Касер, российский консул на этом острове, сообщил Истомину об измене капитана — паши, который вместе со всем флотом перешел на сторону египтян, а также что оба флота находились в Александрии. Английский флот в то же время находился около Родоса, а на о. Порос адмирал Стопфорд предполагал, по имеющимся данным, зайти за водой. Сведения о французском флоте были противоречивые: он находился то ли в Смирне, то ли в Метелине, то ли около острова Тенедос. 15-ого числа «Ласточка» покинула о. Сира и прибыла на о. Порос³³. Здесь Истомину удалось узнать, что английский флот заправляется водой. Англичане прибыли 14-ого числа, отплытие было намечено на 17-е. Куда англичане предполагали направиться дальше, было неясно. Существовало мнение, что английский флот отплывет к о. Тенедос. Из беседы с английским капитаном Морсби Истомину удалось узнать состав английской эскадры: один трехдечный и шесть двухдечных кораблей, фрегат, бриг и военный пароход. Кроме того, ожидалось прибытие дополнительных сил. Что касается измены турецкого флота, то в Смирне все склонны были приписывать действия капитана — паши проискам Англии: один из лучших английских капитанов Уолкер просился волонтером к капитану — паше и с ним вернулся в Александрию, где будто — бы успешно закончил поручение своего правительства и вернулся к своему флоту. Примечательно, что и Истомин был склонен видеть в этом руку Лондона. Французский флот, как удалось выяснить Истомину, состоял из шести кораблей, фрегата и брига и находился у острова Тенедос, также ожидая пополнения. Оба флота допрашивали выходящие из Дарданелл суда, не появился ли в Босфоре русский флот и не ушла ли русская шхуна из Константинополя³⁴. Последнее замечание косвенно подтверждает, что истинной причиной пребывания английской и французской эскадр в Эгейском море было именно противодействие России, а не забота о благополучии Османской империи. Тем более что в последнем вопросе Англия и Франция занимали противоположные позиции и действовать совместно просто не могли. Это понимали и в Константинополе, где без энтузиазма следили за находившимися вблизи Дарданелл флотами двух великих держав, один из которых был дружественен Мухаммеду-Али. Тем большее беспокойство вызывал тот факт, что эти флоты постоянно усиливались. В новом письме М. П. Лазареву от 30 авгу-

31 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4091. Лл. 13–13 об.

32 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4094. Лл. 1–2.

33 Так написано название острова в документе — *Д. И.*

34 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4091. Лл. 28–30 об.

ста 1839 г. А. П. Бутенев сообщал, что вице-консулу в Дарданеллах удалось получить сведения об английской и французской эскадрах: в них насчитывалось 32 военных судна, в том числе 19 кораблей и 5 пароходов. «Носились слухи», что обе эскадры вскоре отправятся в Александрию для понуждения египетского паши к возвращению турецкого флота и к «миролюбивому примирению с Портой». Но слухи эти ничем не подтверждались: обе эскадры оставались у о. Тенедос несмотря на представления Порты о напрасном и предосудительном присутствии иностранных флотов около столицы Османской империи³⁵. Судя по пушечному вооружению судов англо-французской эскадры, приводившемуся в донесении, многие французские и английские корабли были старой постройки, некоторые из них имели даже 66-пушечный ранг, однако их общее количество было весьма внушительно и подкреплялось наличием сильнейших для своих лет кораблей. Учитывая, что объединенная эскадра, очевидно, была собрана для противодействия России, было бы нелишне узнать, что мог противопоставить Петербург англо — французским силам на. Это тем более важно, что кроме как на самих себя нам было не на кого положиться. Порты, лишившаяся почти всего флота, если бы и решилась выступить против двух сильнейших европейских держав, ничего существенного выставить не могла. Среди документов, касающихся Черноморского флота, оказался список судов³⁶, находившихся в Севастополе. Сам список не датирован, но исходя из документов, подшитых в деле до и после, его можно отнести к августу 1838 г., т. е. он идеально подходит для сравнения с англо-французской эскадрой, состав которой нам известен на тот же самый месяц. Располагая этими данными, мы можем составить сравнительную таблицу:

	линейных кораблей	фрегатов	всего судов	всего орудий
англо-французская эскадра	19	3	32	1834
черноморский флот	12	5	45	1540

Из сравнения видно, что совокупная огневая мощь (исходя из количества орудий, поскольку качественные характеристики артиллерии не известны) англо — французских сил превосходила огневую мощь Черноморского флота на 16 %. Черноморский флот был «маложе» своих противников, но это не меняло соотношения сил, которое для России было крайне неблагоприятным. Опыт этого заочного противостояния впоследствии сыграл определенную роль при отка-

35 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4094. Лл. 3–4.

36 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4091. Лл. 33–33 об.

зе Петербурга от вооруженного участия в разрешении турецко-египетского кризиса.

Следует отметить, что к английской эскадре ожидалось прибытие еще трех кораблей и корвета, а к французской — корабля и фрегата, после чего соединенная эскадра должна была достигнуть превосходства над всем Черноморским флотом по количеству орудий не менее чем на 30 %.

Примечательно, что на этом фоне Черноморский флот активных действий не предпринимал. Единственные распоряжения, имевшие отношение к Восточному вопросу, касались выделения в распоряжение А. П. Бутенева парохода «Северная Звезда»³⁷. Вне всякого сомнения, проблема связи с Константинополем была чрезвычайно важна. Однако отсутствие на фоне военной демонстрации западных монархий попыток симметричного ответа или подготовки к нему наводит на размышления. Во-первых, следует отметить, что Россия мало что могла противопоставить своим противникам: если пополнить Черноморский флот не представлялось возможным, то Англия и Франция такую возможность имели. Во-вторых, сам факт их объединения в Восточном вопросе ставил Россию перед угрозой дипломатической изоляции, в то время как Париж и Лондон располагали достаточными силами, чтобы привести в исполнение практически любое свое решение.

Англо-французская эскадра вблизи Дарданелл была серьезным основанием, чтобы не «бряцать железом» во избежание угрозы европейской войны. Именно последним соображением можно объяснить, что при всех объективных посылках для активных действий Черноморского флота (за весь период кризиса это был единственный момент, когда Порте действительно могла понадобиться помощь России) именно в это время на Черноморском флоте активность была самой низкой из трех «всплесков», выделенных нами в начале. Отчасти она соответствовала характеру событий на Востоке, где положение дел практически не менялось. Согласно письму А. П. Бутенева М. П. Лазареву от 12 сентября 1839 единственной переменной стали прибытие к французам из Тулона корабля и фрегата, а английская эскадра пополнилась военным пароходом «огромного размера»³⁸. В новом послании от 22 сентября 1839 г. А. П. Бутенев писал, что обе эскадры ожидают новые подкрепления. Кроме того, в письме содержалась еще одна интересная новость: командование фрегатом «La belle Poule» принял на себя принц Жоанвильский, который должен был в скором времени уже официально прибыть в Константинополь в связи с желанием посетить турецкую столицу и представиться султану. «Турецкое правительство однакож не иначе решилось удовлетворить требова-

37 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4091. Л. 19.

38 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4094. Лл. 11–11 об.

нию французского посла и выдать ему надлежащий фирман на свободный пропуск этого военного судна через Дарданеллы в Босфор, как по предварительном сношении с нашей миссией и получении на то моего согласия»³⁹

Вероятно, именно наглядная демонстрация соотношения сил послужила поводом, если не стала причиной, для пересмотра позиции России относительно принципов разрешения Восточного вопроса. Еще в докладе Николаю I от 31 мая 1839 г. К. В. Нессельроде отвергал возможность вмешательства в турецко-египетское противостояние только со стороны России: «мы не сможем прийти на помощь султану, заранее не приготовившись к столкновению с Англией». Одновременно Нессельроде считал возможным, отступив от договора 1833 г., достичь понимания со стороны Англии. Когда новое соглашение с ней будет заключено, полагал он, «мы будем иметь достаточную возможность громко заявить Англии: „Мы должны обеспечить свою собственную безопасность и безопасность Турции, поэтому нам необходимо, чтобы Черное море не было открыто для иностранных военных кораблей“»⁴⁰. В мемуаре, поданном Николаю I 29 августа 1839 г. (когда соотношение сил Черноморского флота и англо-французских сил можно было наблюдать во всей очевидности), К. В. Нессельроде вновь выступил против Ункяр — Искелесского договора: «Соглашение 26 июня 1833 г.... потеряло для нас практический смысл. ... Оно связывает нас по рукам и ногам». К. В. Нессельроде предложил добровольно отказаться от Ункяр — Искелесского договора и с помощью Англии создать новый режим проливов, гарантированный всеми европейскими державами. Главным условием нового соглашения он считал закрытие проливов для иностранных военных судов: «Мы должны обеспечить собственную безопасность и безопасность Турции, — отмечалось в докладе. — Поэтому нам необходимо, чтобы Черное море не было открыто для иностранных военных кораблей, и это положение даст нам отказаться от того договора, который общественное мнение всей Европы рассматривает как возможность для России установления исключительного протектората над Турцией»⁴¹. Военно-политические обстоятельства, в которых К. В. Нессельроде предложил изменить принципы внешней политики России в Восточном вопросе, дают дополнительные основания чтобы согласиться с рядом авторов и признать шаги Петербурга вынужденным актом⁴²

39 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4094. Лл. 12–12 об.

40 Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 125–126.

41 Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII — начало XX в. \ Ред. М. И. Штемпель. М., 1978. С. 108.

42 Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII — начало XX в. \ Ред. М. И. Штемпель. М., 1978. С. 108; История внешней политики России: Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999. С. 330.

Противостояние продолжалось до середины осени. В письме от 4 октября 1839 г. А. П. Бутенев сообщил М. П. Лазареву: «По получении Портою официального уведомления английский адмирал Стопфорд собирается в непродолжительном времени оставить окрестности Дарданельского пролива и отправиться с вверенным ему флотом в Вурлу, т. е. Смирнский залив. О дальнейшем назначении французского флота доселе еще не известно»⁴³. Пребывание флотов европейских государств в непосредственной близости от входа в Дарданеллы, беспокоившее турецкие власти, подходило к концу. Эти действия английской эскадры следует связать с миссией барона Ф. И. Бруннова в Лондоне. На фоне начавшихся русско — английских переговоров Пальмерстон увидел возможность добиться большего, нежели путем противостояния с Россией в проливах. Кроме того, отведя свои силы от Дарданелл, англичане демонстрировали готовность к сотрудничеству, что было важно на фоне перерыва в переговорах, вызванного отплытием Ф. И. Бруннова для консультаций в Петербург. Не исключено, что именно уход англичан из окрестностей пролива окончательно побудил Петербург к союзу с Британией даже путем серьезнейших уступок, поскольку последняя также демонстрировала готовность к компромиссу.

3 (15) июля 1840 г. была заключена первая Лондонская конвенция. По ее итогам на горизонте замаячила перспектива военных действий австро-английских сил против непокорного вассала турецкого султана. Как мы помним, многие историки склонялись к мнению, что Россия надеялась сыграть в процессе умирения египетского паши активную роль, а не ограничиться дипломатической поддержкой. В Петербурге действительно рассчитывали на одну из первых ролей и готовились к этому вполне серьезно. Масштаб военных приготовлений Черноморского флота во время третьего «всплеска» активности (август — октябрь 1840 г.) буквально поражает воображение.

Первый документ, ориентировавший Черноморский флот на подготовку новой экспедиции в Босфор, относится к концу июля 1840 г. В письме А. С. Меншикова М. П. Лазареву от 28 июля 1840 г. сообщалось, что вследствие конвенции, заключенной между Россией, Англией, Австрией с одной стороны и Портой с другой, первая обязалась содействовать в охране Константинополя от покушений Мухаммеда-Али, в связи с чем Черноморский флот и войска могут внезапно понадобиться. Были «начертаны» следующие меры:

1. По первому требованию отправить в Босфор две пехотные дивизии (13-ю и 15-ю) с артиллерией и некоторое число конных казаков — всего до 25 тысяч человек;

2. Порядок действий: а) отделить от флота суда, необходимые для подъема трех полков 13-й пехотной дивизии, стоящей в Сева-

43 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4094. Л. 17

стополе, и держать в Севастополе суда в полной готовности; б) остальным судам в 2–3 рейса (с участием пароходов и транспортов) перевезти с Абхазского берега в Крым 15-ю пехотную дивизию и Виленский полк. Перевозку следует начать с Виленского полка (для соединения с 13-й пехотной дивизией); с) по первому требованию переправить войска в Босфор «сколь можно более вдруг».

Как отмечалось в документе, хотя в перечисленных мерах возможны изменения, однако необходимо было приступить к их исполнению, чтобы не терять времени. Кроме того, Меншиков просил уведомить его: 1. Сколько судов и какие именно будут оставлены в Севастополе; 2. В каком порядке из Абхазии будут вывозиться войска; 3. Какие суда и сколько войск можно выделить для переброски в Босфор; 4. Какие денежные средства необходимы Черноморскому флоту на покрытие расходов экспедиции⁴⁴

В данном случае подготовка к десантной операции велась вполне открыто. Это объясняется тем, что Петербург намеревался действовать в составе коалиции и с согласия остальных участников, а посему таиться смысла не имело. И, пока союзники не начали военные действия против египетского паши, в качестве потенциального противника рассматривался Ибрагим-паша, который мог попытаться повторить поход на Константинополь 1832–1833 гг. Впрочем, в Петербурге были сомнения относительно того, произойдет ли новая десантная операция: в письме от 5 августа 1840 г. А. С. Меншиков извещал М. П. Лазарева, что если экспедиция не состоится, то 1 миллион рублей будет зачтен на смету Черноморского флота за 1841 г.⁴⁵ Наиболее интересна для нас ведомость,⁴⁶ приложенная Меншиковым к данному письму. В соответствии с ней в десантный отряд намечались следующие силы: штаб 5-ого пехотного корпуса, 13-я и 15-я пехотные дивизии; 5-я артиллерийская дивизия; военно-рабочая рота усиленного состава; две гарнизонные артиллерийские роты; Донской казачий № 11 полк; военно-рабочая команда при запасах минного и шанцевого инструмента; три кадра военно-временных госпиталей. Всего на противоположный берег Босфора предполагалось перевезти 26107 человек, 1166 лошадей, 48 орудий. Весьма внушительная цифра, если учесть, что в 1833 г. с большим трудом в два приема удалось перевезти около 10 000 человек.

Сама идея десантировать в Турции две полнокровные дивизии вызывает некоторую настороженность. Ибрагим-паша располагал значительными силами, но на этот раз против него выступала не одна Россия. Кроме того, он не наступал на Константинополь, а из текста документа нельзя предположить, что русские войска собирались использовать вне проливов. Тогда зачем такая армада?

44 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 75–76 об.

45 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 84.

46 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 114–116 об.

Чтобы явить султану свою дружбу и продемонстрировать военную мощь, достаточно было присутствия в Босфоре кораблей Черноморского флота. В крайнем случае, можно было высадить одну дивизию. Высадка двух дивизий была слишком сложной и дорогостоящей операцией и могла повлечь за собой обвинения со стороны союзников в попытке захвата Босфора.

Между тем в письме от 6 августа 1840 г. А. С. Меншиков сообщал М. П. Лазареву, что десантный отряд предполагается увеличить: только лошадей должно быть до 1200, в связи с чем надо было дополнительно зафрахтовать для экспедиции частные суда. Эта задача возлагалась на исправляющего должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора генерал-майора П. И. Федорова. Для этих же целей в Крым командировался контр-адмирал Н. П. Римский-Корсаков. Верховное командование операцией возлагалось на генерал-адъютанта А. Ф. Орлова с теми же полномочиями, как и в 1833 году. По первому требованию посланника при Османской Порте флот, «не ожидая никаких других разрешений», должен был принять на борт десантные войска и немедленно отплыть в Босфор. Предписывалось принять и другие меры, какие будут сочтены необходимыми для наиболее успешного выполнения миссии, исходя из опыта экспедиции 1833 г. По прибытии в Босфор все дальнейшие действия флота и десантных войск должны были зависеть от решений генерал — адъютанта А. Ф. Орлова. В том случае, если бы флот прибыл в Босфор до прибытия А. Ф. Орлова, командованию надлежало войти в сношения с В. П. Титовым, исправляющим обязанности полномочного посланника Российской империи при Османской Порте. А. С. Меншиков уточнял, что если перевезти обе дивизии за один рейс будет невозможно, флоту надлежало, высадив десант в Босфоре, немедленно следовать за второй частью войск, оставив необходимое количество судов⁴⁷

В тот же день военный министр А. И. Чернышев писал контр-адмиралу Римскому-Корсакову: «Государь Император, признав нужным снарядить безотлагательно особую десантную экспедицию для отправления оной к берегам Босфора по первому востребованию Порты Османской, Высочайше повелеть соизволил приступить с тем вместе ко всем предварительным распоряжениям по найму частных судов, необходимых для поднятия отряда в дополнение к судам Черноморского флота». Пересказывая далее распоряжения императора, Чернышев сообщал, что распоряжения по амбаркации были возложены на М. П. Лазарева, а найм частных судов — на П. И. Федорова. В помощь последнему назначался сам Римский — Корсаков, которому надлежало узнать у него, сколько частных судов и какой грузоподъемности можно зафрахтовать в Одессе, после чего надлежало следовать в Севастополь

47 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 112–114.

и выяснить, в один или два рейса можно доставить десантный отряд на другой берег Черного моря. Получив от Лидерса сведения о числе и грузах войск, а от Лазарева — о численности военных судов, Римский-Корсаков должен был составить расчет частным судам, которые необходимо было нанять для осуществления десантной операции⁴⁸

Судя по тому, что все три предписания датируются одним числом, в этот день состоялось совещание во главе с Николаем I, на котором и были приняты решения, о которых сообщалось в указанных выше документах.

Тем временем в Крыму развернулась работа по подготовке десантной экспедиции. В противоположность схожим мероприятиям во время двух предыдущих «всплесков», когда в качестве вероятного противника предполагались Англия, а затем Ибрагим-паша и соединенная англо-французская эскадра, на сей раз велась детальная и глубокая проработка состава десанта вплоть до одного человека, с распределением как личного состава так и тяжестей по конкретным судам, местам амбаркирования и т. д. Лазарев в письме от 12 августа 1840 г. сообщил примерный перечень судов, намеченных к экспедиции: два 120-ти пушечных и шесть 84-х пушечных корабля, три фрегата, два корвета, три брига, две шхуны, один тендер, три транспорта и три парохода⁴⁹. Общая штатная численность команд судов, назначенных в кампанию, составила 9697 человек. Если вспомнить события 1833 г., то каждое судно могло принять на борт примерно столько же десантных войск, сколько человек было в команде по штату. Таким образом, выделенных судов не хватило бы и на половину десантного отряда, назначенного в этот раз. Необходимость в найме частных судов для перевозки десантного отряда в Босфор была очевидна.

В соответствии с распоряжениями А. С. Меншикова М. П. Лазарев в отношении к генерал-майору П. И. Федорову от 15 августа 1840 г. сообщал, что в связи с отсутствием Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, фрахтование частных судов для экспедиции в Босфор возлагается на него⁵⁰. Примечательно, что в письме от шкипера Апаргири Лебеша из Керчи от 15 августа 1840 г. автор просил нанять его судно для экспедиции «с флотом в Архипелаг» (выделено нами — Д. И.)⁵¹. И это был не единственный случай. Таким образом, о секретности предприятия не приходилось и говорить.

Тем временем подготовка шла полным ходом. В соответствии с распоряжением М. П. Лазарева от 12 августа 1840 г. фрегат «Фло-

ра», бриги «Фемистокл» и «Палимед», шхуна «Ласточка», транспорты «Березан» и «Соча», пароход «Силач» необходимо было снабдить картами Средиземного и Мраморного морей, Константинопольского пролива и Архипелага, а также штурманскими приборами. Предписывалось обеспечить этими предметами и сам Севастопольский порт⁵². Весьма знаменательно, что предполагалось выдать карты Мраморного и Средиземного морей. Следует учесть, что в документе речь идет о небольших судах. Видимо, их собирались использовать для разведки, они должны были отплыть раньше экспедиции и уточнить обстановку как в проливах, так и за их пределами. Однако указание на необходимость снабдить таким же комплектом карт Севастопольский порт может расцениваться как косвенный признак того, что командование допускало возможность действий за пределами проливов всего флота.

К 17 августа были подведены первые итоги подготовки к операции. Согласно рапорту М. П. Лазарева на имя А. С. Меншикова от 17 августа 1840 г. по «особой экспедиции из Черноморского флота с отрядом сухопутных войск для охранения Константинополя от неприятных покушений Мехмета-Али» были сделаны следующие распоряжения: выделены суда для перевозки войск с Восточного берега Черного моря в Севастополь; часть военных судов находилась в 24-х часовой готовности; М. П. Лазарев снесся с Лидерсом чтобы получить дополнительные сведения о тяжестях отряда; исправляющему должность Новороссийского и Бессарабского генерал — губернатора П. И. Федорову было поручено зафрахтовать необходимое количество частных судов. Кроме того, Лазарев отмечал, что нахождение в кампании в течение всего года и постоянные перевозки войск в Абхазию и обратно сократили запасы провианта и ухудшили состояние такелажа и оснастки судов, на момент написания рапорта на складах наличествовало обеспечение только на 4 месяца⁵³. Что касается готовности сухопутных войск, то к 1 сентября 1840 г. три полка 13-й пехотной дивизии должны были быть готовы к посадке на суда, а с прибытием в Севастополь Виленского полка он также мог следовать с дивизией. Отправление полков 15-й пехотной дивизии, как отмечал автор, будет зависеть от времени их прибытия в Севастополь. 13-я полевая артиллерийская бригада должна была прибыть в Одессу к 1 сентября. Две батареи 15-й артиллерийской бригады ожидалось в Одессе к 13 сентября, третья батарея к 17 августа находилась в Севастополе. Донской № 11 казачий полк предполагалось собрать в Севастополе к 1 сентября; парковая рота 15-й артиллерийской бригады должна была прибыть в Одессу к 10 сентября, военно-рабочая рота — к 1 сентября (также в Одессу); две гарнизонные артиллерийские роты долж-

48 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 1–2.

49 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 81–81 об.

50 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 122.

51 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 29.

52 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Л. 14.

53 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 125–127.

ны были быть взяты непосредственно из Севастополя; три подвижные инвалидные роты должны были прибыть в Одессу к 1 сентября⁵⁴

Согласно ведомости⁵⁵, приложенной к сообщению штаба 5-ого пехотного корпуса от 17 августа 1840 г. предполагался следующий порядок погрузки на суда:

Из Севастополя

1. Штаб 5-го пехотного корпуса
2. 13-я и 15-я пехотные дивизии
3. Одна легкая № 6 батарея 15-й артиллерийской бригады
4. Донской казачий № 11 полк
5. Две гарнизонные артиллерийские роты

Из Одессы

1. Штаб 5-й артиллерийской дивизии
2. 13-я артиллерийская бригада трехбатарейного состава и бригадный штаб
3. Две батареи 15-й артиллерийской бригады и бригадный штаб
4. Парковая рота 15-й артиллерийской бригады и бригадный штаб
5. Военно-рабочая рота
6. Три подвижные инвалидные роты
7. Военно-рабочая команда при запасах минного и шанцевого инструмента
8. Три кадра военно-временных госпиталей или два класса

В письме от штаба 5-го пехотного корпуса М. П. Лазареву от 22 августа 1840 г. давалась рекомендация, что если перевозка войск к Босфору будет осуществляться в два рейса, то четыре сотни Донского № 11 полка и 425 лошадей должны были быть перевезены первым рейсом с фуражом на 2 недели, остальные должны были быть перевезены во второй рейс⁵⁶. Таким образом, в первый рейс перевозился полностью боеспособный отряд, который мог действовать, не дожидаясь прибытия остальной части полка. Надо сказать, предположение, что перевозка войск будет осуществляться в два рейса, была вполне обоснованной. Так, согласно письму М. П. Лазарева от 24 августа 1840 г. на судах Черноморского флота в один рейс можно было разместить 11 тысяч человек⁵⁷

Одновременно продолжалась концентрация войск в Крыму. 22 августа 1840 г. было отдано распоряжение об отплытии отряда судов для перевозки войск 5-го пехотного корпуса из Абхазии в Крым⁵⁸

54 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Л. 45 об.

55 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Лл. 47–55.

56 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Лл. 59–59 об.

57 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Л. 58.

58 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Л. 36.

Здесь хотелось бы на время оставить подготовку Константинопольской экспедиции на Черном море и обратиться к событиям, разворачивавшимся на Балтике, которые имели непосредственное отношение к Восточному вопросу. В РГА ВМФ в фонде 5 (фонд адмирала Л. Л. Гейне) имеется небольшое дело, красноречиво именуемое «Назначение судов в особую экспедицию в 1840 году». Как нетрудно догадаться, эта экспедиция имела своей целью участие в приведении к покорности Мухаммеда — Али. К сожалению, материалов крайне мало, а в других делах обнаружить следы этой экспедиции не удалось. Однако и то, что есть, наводит на весьма интересные мысли. В письме А. С. Меншикова генерал — интенданту Балтийского флота от 22 августа 1840 сообщается, что в Ревель и Свеаборг назначается сводная дивизия, которая «предназначается...к отправлению в Средиземное море» и сосредотачивается в указанных портах «дабы в случае востребования могла отправиться и в позднюю осень»⁵⁹. В другом документе, адресованном Л. Л. Гейдену (от 25 августа 1840), А. С. Меншиков писал о назначенных в экспедицию судах: «По случаю назначения одной сводной дивизии к отправлению в Средиземное море, при первом востребовании...»⁶⁰. Таким образом, и эти суда должны были находиться в полной боевой готовности, не имея точной даты отплытия по назначению. Согласно ведомости от 22 августа 1840, сводная дивизия под начальством вице-адмирала Платера насчитывала 10 кораблей, 6 фрегатов, 4 брига, шхуну и лоцию.⁶¹

Исходя из этого документа можно предположить, что Россия планировала масштабное участие в событиях на Востоке. В Петербурге планировали своего рода «двойной удар»: первый — десант в Константинополь в размере двух полнокровных дивизий, второй — отряд судов Балтийского флота, предназначенный для участия в боевых действиях против египетского паши совместно с английским и австрийским флотом. Вероятно, это было обусловлено опасением, что Англичане будут против прохода русских военных судов через Босфор и Дарданеллы, но согласятся на участие Балтийского флота, который проследует в Средиземное море через Гибралтар. Столь широкомасштабное участие в судьбе Османской империи в случае реализации этих планов сулило формирование в сознании турецкого правительства образа России как могущественного друга и соседа. Участия Великобритании при таком раскладе Турция могла вообще не заметить. Поэтому неудивительно, что Лондон приложил все силы к тому, чтобы не допустить участия России в новом спасении Турции ни под каким видом.

Однако вернемся к событиям на Черном море.

59 РГА ВМФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

60 РГА ВМФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

61 РГА ВМФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.

На 23 августа 1840 г., в Херсоне находилось свыше 70 частных судов. Из них 27 морских судов большого размера (средней грузоподъемностью 150–160 ласт), годных к найму. Охотнее соглашались на фрахт на месяц, чем на рейс. При массовом фрахте возможно было снизить цены на 20 %. В Керчи судов было довольно много, но большинство в плохом состоянии: из наличествовавших 30 судов, на практике зафрахтовать можно было 15 (средняя грузоподъемность около 200 ласт). Цены на фрахт были как в Херсоне. В Феодосии на момент написания рапорта подходящих судов не было, но ожидалось прибытие девяти судов. В Евпатории находились два судна по 130 ластов, стоимость найма на месяц по 10 000 рублей за каждое⁶²

Параллельно приводились в готовность и суда Черноморского флота. Согласно рапорту командира Севастопольского порта контр-адмирала Авинова М. П. Лазареву от 27 августа 1840 г. суда, состоящие в практической эскадре контр-адмирала Чистякова (7 кораблей, фрегат, корвет), вошли в Севастопольскую гавань для ремонта и приведения в готовность⁶³

Что касается более детальной разработки операции, то к концу августа было примерно известно, где и какие войска будут грузиться на какие суда, сколько судов для этого потребуется, какие тяжести будут при войсках и так далее. Общее распределение по военным и частным судам войск, орудий, лошадей и разного рода тяжестей для предполагаемого десанта в *один рейс* было приложено к письму Римскому-Корсакову от командующего 5-м пехотным корпусом генерал-лейтенанта Лидерса от 30 августа 1840 г.⁶⁴

Распределение по судам предполагалось следующее:⁶⁵

	людей	орудий	лошадей
На военных судах	12 059	48	5
На частных судах	12 815	—	1170
Итого	24 874	48	1175

Исходя из того, что каждое частное судно может поднять по 20 лошадей и 70 человек или около 200 человек, был сделан расчет частным судам, которые необходимо было зафрахтовать:⁶⁶

⁶² РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 73–75.

⁶³ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Л. 18.

⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 38 об. — 43.

⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 43.

⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 43 об.

	судов	Итого людей	Итого лошадей
В Севастополе		10904	730
730 лошадей	37		
При них людей 2590			
Для остальных войск 8314	42		
Для тяжестей	2		
Итого:	81		
В Одессе		1911	440
440 лошадей	22		
При них людей 1540			
Для команд (371 человек)	2		
Тяжестей	4		
Итого	28		
Затем всего частных судов	109		

Однако грузоподъемность частных судов варьировалась в широких пределах. Кроме того, в черноморских портах насчитывалось 111 учтенных частных судов, из которых зафрахтовать можно было в лучшем случае 96. Таким образом, вероятность того, что войска удастся перевезти в один рейс, была чрезвычайно мала. Посему одновременно разрабатывались варианты перевоза десантного отряда на берег Босфора в два рейса.

По расчетам Данненберга, приложенным к письму на имя М. П. Лазарева от 30 августа 1840 г.⁶⁷ предполагалось следующее разделение войск:

В первый рейс: *из Севастополя* штаб 5-ого пехотного корпуса, 13-й пехотной дивизии дивизионный штаб, штаб 1-й бригады, Брестский и Белостокский пехотные полки, штаб 2-й бригады, Литовский и Виленский егерские полки, 13-й артиллерийской бригады бригадный штаб, батарейная № 1 батарея, легкие № 1 и 2 батареи, 15-й артиллерийской бригады легкая № 6 батарея, рота гарнизонной артиллерии, военно-рабочая рота, три сотни Донского казачьего № 11 полка, тяжести при войсках и месячный продовольственный запас — всего 13244 человека, 65 лошадей, 86333 пуда грузов; *из Одессы* военно — рабочая команда, подвижная инвалидная рота,

⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Лл. 93–100.

один кадр военных госпиталей, тяжести при них, часть тяжестей 13-й артиллерийской бригады — всего 716 человек, 241 лошадь, 9976 пудов. Итого в первый рейс предполагалось перевезти 13960 человек, 894 лошади, 96309 пудов груза.

По судам это должно было распределиться следующим образом:

На военных судах:	11872 человека	32 орудия	5 лошадей
На частных судах:	2088 человек	—	889 лошадей
Всего	13960 человек	32 орудия	894 лошади

В Севастополе предполагалось зафрахтовать 34 частных судна, в Одессе — 14.

Во второй рейс: *из Севастополя*: 15-й пехотной дивизии дивизионный штаб, штаб 1-й бригады, Модлинский и Прагский пехотные полки, штаб 2-й бригады, Люблинский и Замостский егерские полки, от 15-й артиллерийской бригады бригадный штаб и тяжести, рота гарнизонной артиллерии, три сотни казаков Донского № 11 полка, тяжести при войсках. Всего: 9719 человек, 81 лошадь, 16 орудий, 69615 пудов; *из Одессы*: штаб 5-й артиллерийской бригады, 15-й артиллерийской бригады бригадный штаб, парковая рота 15-й артиллерийской бригады, две подвижные инвалидные роты, тяжести при войсках. Всего: 1195 человек, 200 лошадей, 13725 пудов. Итого во второй рейс — 10 914 человек, 281 лошадь, 16 орудий, 83340 пудов. В перевозке предполагалось задействовать 22 частных судна.

Всего за два рейса предполагалось перевезти 24 874 человека, 1175 лошадей и 179 649 пудов грузов.

Было очевидно, что переброска войск в Босфор могла происходить только в два приема, поскольку для осуществления данной операции в один рейс требовалось задействовать не только все ресурсы Черноморского флота, но и «выгрести» подчистую практически все частные суда, пригодные к плаванию в открытом море⁶⁸

Между тем войска могли быть полностью готовы к амбаркированию не ранее второй половины сентября. И нет оснований полагать, что сроки могли сместиться в сторону их сокращения. Скорее наоборот: в письме на имя Лидерса из Севастополя от 19 сентября 1840 г. значится: «Для скорейшей перевозки... войск 15-й пехотной дивизии с Восточного берега Черного моря в Севастополь все средства, какие только возможно употребить, употреблены...». ⁶⁹. Этот документ написан тогда, когда, согласно ранее разработанным планам, все войска уже должны были быть собраны и готовы к амбаркированию.

68 В ведомости купеческим судам значатся фамилии шкиперов 117 судов, общая грузоподъемность перечисленных судов составляет 1.907.337 пудов (РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 31 об.).

69 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Л. 120.

По мере того, как приближался срок, когда все силы, назначенные в экспедицию, должны были занять исходные позиции для посадки на суда, планы десантной операции обретали все большую четкость. На смену примерным расчетам, сколько войск необходимо для участия в десанте и сколько судов необходимо, чтобы их перевезти через Черное море, приходят первые планы распределения конкретных подразделений по конкретным судам.

К перевозке войск на берег Босфора предполагалось привлечь 8 кораблей, 3 фрегата, 2 корвета, 3 брига, 2 шхуны, тендер и 3 транспорта⁷⁰. Была приложена роспись десантного отряда по судам Черноморского флота, из расчета на переброску войск в один рейс⁷¹. Согласно этой ведомости, на купеческих судах стремились перевозить в основном лошадей и тяжести — то, для чего военные корабли были менее всего приспособлены. Между тем значительная часть войск и вся артиллерия перевозились на судах Черноморского флота.

Эти ведомости подтверждает рапорт Римского-Корсакова А. И. Чернышеву от 11 сентября 1840 года⁷². Как отмечал автор, по расчетам Лидерса и Лазарева весь десант можно было перевезти в один рейс на судах Черноморского флота и зафрахтованных судах. Для десантной операции Черноморский флот предполагал предоставить 8 линейных кораблей, 3 фрегата, 2 корвета, 2 брига, 3 больших транспорта — вместе они могли принять на борт 11519 человек и 48 артиллерийских орудий. Для остальной части десантных войск (13354 человека, 1170 лошадей и тяжести) необходимо было зафрахтовать 115 судов (87 из них должны были выйти вместе с флотом из Севастополя, 28 — вслед за военным конвоем из Одессы). С наймом проблем, по мнению Римского — Корсакова, не ожидалось: Федоров все устроил так, что как только будет получен приказ о найме судов, они будут зафрахтованы и подготовлены к перевозке людей и грузов. Но, как здесь же писал автор, самих частных судов в портах с каждым днем становилось все меньше: 1 сентября в Одессе их было 113, а 11 сентября — только 58, то есть чем дальше будет откладываться экспедиция, тем сложнее будет набрать необходимое количество судов и десант в таком случае удастся перевезти только в 3–4 рейса, в связи с чем автор считал желательным нанять 50 судов «уже сейчас», так как если в один рейс десант перевезти не удастся, то флот сможет в первый же рейс высадить до 15 тысяч человек с артиллерией и кавалерией, полностью готовых к военным действиям, а остальную часть войск можно будет перевезти во второй рейс уже без использования военных судов.

В свою очередь изменения и дополнения в ранее разработанные планы вносил и Петербург. Согласно отношению Николая I

70 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 77.

71 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 79–80 об.

72 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 5–8.

к А. С. Меншикову от 11 сентября 1840 г.⁷³ 15-ю пехотную дивизию, поскольку она была ослаблена в связи с болезнями солдат, надлежало оставить в пределах России. В связи с этим 13-я пехотная дивизия должна быть отправлена в 4-х батальонном составе, доукомплектованная за счет подразделений 15-й пехотной дивизии. Вместо 15-й пехотной дивизии в экспедицию назначалась 10-я пехотная дивизия трехбатальонного состава. 13-ю и 15-ю артиллерийские бригады предполагалось оставить без изменений, в отряд назначалась еще 10-я артиллерийская бригада трехбатарейного состава. Она должна была стать резервом артиллерии десантного отряда и отправиться вслед за 10-й пехотной дивизией. Если же на момент поступления требования об отправке войск 13-я пехотная дивизия оказалась бы недоукомплектованной, то предписывалось отправить ее в трехбатальонном составе, а следом за ней вторым рейсом отправить 15-ю пехотную дивизию, доукомплектованную до штатного числа всех чинов, а в третий рейс переправить 10-ю пехотную дивизию и 5-й саперный батальон, также укомплектованный до полного штатного числа всех чинов.

Таким образом, общая численность десанта превышала 35 000 человек.

В письме В. Титова П. И. Федорову от 10 сентября 1840 г. сообщалось, что «вследствие отказа египетского паши принять предложения, сделанные Портою на основании конвенции, заключенной ею в Лондоне... Оттоманское правительство, дабы принудить Мегмет-Али к повиновению, решилось подвергнуть строгой блокаде все гавани Сирии и Египта». Об этом было объявлено специальным циркуляром всем посольствам. Как отмечал автор, блокада должна была быть приведена в действие при деятельной помощи англо — австрийских сил, адмиралы которых получили на сей счет соответствующие предписания. Блокада должна была вступить в силу с начала действий судов, не позднее чем через месяц после ее объявления. П. И. Федорову же все эти сведения сообщались, чтобы он мог своевременно предупредить обо всем вышеперечисленном российских купцов⁷⁴

Россия в это время продолжала подготовку к десантной операции. Происходили изменения в расписании войск, предназначенных для переброски в Босфор, вызванные последними распоряжениями из Санкт-Петербурга. В письме Римскому-Корсакову от Лидерса от 22 сентября 1840 г.⁷⁵ пересказывается распоряжение царя и уточняется, что 10-я пехотная дивизия трехбатальонного состава должна будет насчитывать по 1000 человек в батальоне и начинаться до амбаркирования в Одессе. Сверх того в отряд назна-

73 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 210–212.

74 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 85–85 об.

75 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 90–91.

чались 10-я строительная бригада, 5-й саперный батальон, в состав госпиталей добавлялись запасы на 1000 раненых и один госпитальный кадр. Согласно расчетам Лидерса, на военные суда можно было поместить 14 тысяч человек и 48 орудий, но так как частных судов в портах становилось все меньше, а из Босфора из-за частых встречных ветров судам было бы сложно возвращаться, автор считал необходимым немедленно зафрахтовать 93 частных судна. Для того, чтобы поднять весь десант, предполагалось зафрахтовать уже 172 частных судна (63 в Севастополе и 109 в Одессе).

Изменилось и расписание десантного отряда по судам, что было неизбежным при увеличении его примерно на 50 % от прежней численности. При этом на переброску этих войск отводилось все те же два рейса⁷⁶

Надо сказать, что намерение перевезти все вышеперечисленные силы через Черное море в два рейса представляется довольно оптимистичным, учитывая, что по приводившимся нами ранее сведениям, на Черном море можно было рассчитывать на 117 частных судна, а с тех пор количество последних сократилось и эта тенденция продолжала сохраняться. Если добавить к этому тот факт, что ветра, дующие в Босфоре, затрудняют выход из проливов, то план десантной операции представляется совсем уж авантюристичным, даже если оставить за скобками международную обстановку. Однако все говорит в пользу того, что в Николаеве и Севастополе вероятность новой Константинопольской экспедиции считали достаточно высокой. Еще в письме от 23 сентября 1840 г. М. П. Лазарев писал командиру Севастопольского порта, что в Константинополе дежурит пароход «Северная Звезда», который, как предполагалось, и доставит просьбу об отправлении войск. В случае прибытия этого судна или любого другого с депешами Поверенного в делах при Оттоманской Порте, Авинову надлежало вскрыть все официальные бумаги и если бы в них содержалось требование выслать войска, он должен был немедленно оповестить Лидерса и вывести назначенные в экспедицию суда на рейд, чтобы они приняли на борт всю необходимую провизию и грузы⁷⁷

Впрочем, даже в Петербурге постепенно приходили к мнению о том, что русским войскам не суждено вновь вступить на берег Босфора. Согласно письму Римскому — Корсакову от военного министра от 23 сентября 1840 г., царь распорядился, чтобы до получения новых сведений из Константинополя не приступали к предварительному найму судов, поскольку это требует существенных расходов⁷⁸. Еще одним из признаков того, что десантная опера-

76 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 98–99.

77 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 208–208 об.

78 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 93–93 об.

ция откладывается на неопределенный срок стало распределение на зимние квартиры войск, стоявших под Севастополем⁷⁹

Однако какое-то время Черноморский флот продолжал готовиться к десантной операции, о чем неопровержимо свидетельствует наличие в письме М. П. Лазарева Римскому-Корсакову от 15 октября 1840 г. расписания десантных войск, назначенных для отправления из Одессы, куда были включены подразделения 10-й пехотной дивизии. Всего к операции предполагалось привлечь 37 896 человек, 72 орудия и 1465 лошадей⁸⁰. При этом всю эту армию предполагалось перевезти в два рейса. Реалистичность подобного проекта кажется весьма сомнительной, поскольку зависит от множества «но». В частности, от того, сколько частных судов удастся нанять для экспедиции. При этом Петербург был против того, чтобы заранее зафрахтовать некий минимум частных судов. Очередной отказ пришел из военного министерства от 19 октября 1840 г. М. П. Лазареву предполагалось в случае необходимости стараться амбаркировать максимальное число войск на суда Черноморского флота и на частные суда, которые удастся зафрахтовать⁸¹. При таком раскладе для перевозки всего отряда, назначенного в десант, на берег Босфора могло потребоваться все четыре рейса Черноморского флота в полном составе.

Кроме того, именно в октябре стало окончательно ясно, что на текущий момент оснований опасаться за целостность Османской империи в общем — то нет. Примечателен тот факт, что 21 сентября в Саламинскую бухту прибыла французская эскадра, состоявшая из 9 кораблей (на момент написания рапорта⁸². их число возросло до 11)⁸³, что, вероятно, должно было вызвать некоторое беспокойство со стороны России (все же Саламин не столь далек от Архипелага). Однако в письме Титова М. П. Лазареву от 8 октября 1840 г. сообщалось, что французский флот предполагает зимовать в Наварине и при быстрых успехах турецких и союзных войск в Сирии в борьбе с Египтом *не следует ожидать от Франции вооруженного вмешательства против Порты*⁸⁴. Ключевым во всем письме, как представляется, была именно последняя фраза, которая подтверждает наши предположения относительно того, чем были вызваны столь внушительные приготовления России к десантной опе-

79 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 101.

80 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 96–96 об.

81 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 229–229 об.

82 Видимо, этот документ является либо копией рапорта Истомина, либо рапорта лейтенанта Соковнина (возможно, Соновнина), командира тендера «Струя» от 8 октября 1840 г. (на самом документе данных нет, подобное предположение можно сделать исходя из содержания документов, подписанных непосредственно перед и после данного рапорта).

83 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4099. Л. 8.

84 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 224.

рации в Босфор⁸⁵. Замечательно и то, что, несмотря на сохранение французского военного присутствия вблизи Архипелага, Титов предполагал, что вооруженного вмешательства Парижа все — таки не произойдет. Вскоре эта мысль была принята и в Петербурге.

В письме Меншикова Римскому-Корсакову от 14 ноября 1840 последнему предписывалось возвращаться в Санкт-Петербург, предварительно осмотрев в Севастополе и Николаеве морские войска, заведения, суда, строительные работы морского ведомства и довести до сведения Его Императорского Величества их состояние⁸⁶. Аналогичное сообщение поступило Римскому-Корсакову в отношении Лазарева от 28 ноября 1840 г.⁸⁷

Эти два документа можно считать официальной точкой в планах Константинопольской экспедиции 1838–1840 гг. Петербург отозвал из Крыма Римского — Корсакова, направленного в свое время для помощи Лазареву и Федорову и тем самым фактически признал, что, несмотря на всю подготовительную работу, десантная операция реализована не будет. Грандиозные планы вновь оставались только на бумаге. В 1841 г. вопрос о высадке десантных войск в Босфор, приведении судов в боевую готовность в связи с Восточным вопросом более не поднимался.

Итак, подведем общий итог и второму турецко-египетскому кризису как таковому, и действиям Черноморского флота в связи с событиями на Востоке.

В первую очередь необходимо выделить особенности нового столкновения турецкого пашы и египетского вассала, обусловившие его отличия от кризиса 1831–1833 гг.

Первый турецко-египетский кризис был вызван выступлением Мухаммеда-Али против своего сюзерена, причем выступлением настолько успешным, что создавалась реальная угроза смены династии в Константинополе. В этих условиях Турция обратилась к Европе за помощью, но смогла получить ее только со стороны России, которая своим вооруженным присутствием под стенами Стамбула вынудила египетского пашу приостановить наступление, а европейские державы вмешаться в ход событий и способствовать заключению мира между султаном и его мятежным вассалом. Итогом этого кризиса стала временная стагнация конфликта, настоящее решение которого не устраивало ни Турцию, ни Египет. Вторым последствием стало подписание русско-турецкого оборонительно-

85 О том что десантная экспедиция может быть направлена против французских сил, если они войдут в Дарданеллы, пишет и Г. А. Гребенщикова (Гребенщикова Г. А. Проблема босфорских экспедиций второй половины XVIII — первой половины XIX в. // Новый часовой. № 17–18. 2006. С. 50)

86 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 110.

87 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 109.

го союза, против которого активно выступили европейские державы, пытавшиеся путем военной демонстрации вынудить султана отказаться от ратификации Ункяр-Искелесского договора. Однако их действия не увенчались успехом. Это обусловило напряженность, возникшую в отношениях России с Англией и Францией в 1830-е гг. В результате главной целью европейской (в первую очередь, английской) дипломатии стало разрушение русско-турецкого союза и ликвидация договора 1833 г.

В этих условиях второй турецко-египетский кризис, спровоцированный самим султаном, начавшим наступление на египетского пашу, стал поводом для сведения счетов, оставшихся между европейскими державами с 1833 г. В 1839 г. реальной угрозы существовавшей в Стамбуле династии со стороны египетского паши не возникло даже в результате восшествия на престол вместо внезапно умершего Махмуда II юного Абдул-Меджида, однако события на Востоке привели в движение силы практически всех великих держав. Истинную сущность второго турецко-египетского кризиса несложно проследить на динамике военных приготовлений Черноморского флота, которые трижды проводились в течение 1838–1840 гг. Условно эти периоды по приведению Черноморского флота в боевую готовность мы можем определить как «всплески».

Первый такой «всплеск» активности пришелся на начало завершающего этапа англо-турецких переговоров по заключению торгового договора в августе 1838 г. В ходе переговоров Лондон оказывал на своего партнера дипломатическое давление и создавалась угроза, что в случае, если в подготовке договора возникнут сложности, Пальмерстон не остановится и перед вооруженным давлением (как это было в 1833 г.).

Второй «всплеск» активности Черноморского флота был более продолжителен и менее интенсивен, но при этом имел определенную внутреннюю динамику. Так, на начальном этапе военные приготовления в Севастополе проводились в связи с началом военных действий между султаном и египетским пашой. Однако вскоре стало очевидно, что несмотря на поражения, понесенные Турцией в этой борьбе, Ибрагим — паша, командовавший египетскими войсками, оказавшийся перед лицом возможного противодействия великих держав, не будет повторять похода на Константинополь, как это было в 1832–1833 гг. Между тем, вблизи Дарданелл появилась весьма внушительная группировка англо — французских военно — морских сил. Их присутствие с одной стороны удержало Ибрагим — пашу от возможного развития успеха при Незибе, но обеспокоило как Стамбул, так и Петербург, поскольку совместные действия Лондона и Парижа против египетского паши, занимавших в отношении последнего прямо противоположные позиции, представлялись мало вероятными. В результате сложилась ситуация молчаливого противостояния англо — французского и русского флотов, раз-

деленных не только проливами, но и Черным морем. В ходе этого противостояния все стороны старались избегать резких действий, способных нарушить хрупкое равновесие. Основной задачей англо-французских сил было не допустить появления русских судов в Босфоре, Россия же опасалась спровоцировать Лондон и Париж на вступление в проливы. Только с началом англо-русских, а затем и общих переговоров в Лондоне по второму турецко-египетскому кризису, когда стало очевидно, что ни одна из сторон не примет в ближайшее время действий, способных нарушить сложившийся status quo, англо — французские силы покинули окрестности Дарданелл и противостояние временно приобрело исключительно дипломатические рамки.

Третий, наиболее напряженный период военной подготовки Черноморского флота, совпал с периодом, когда Петербург, в союзе с Англией и Австрией, приступил к выполнению условий Первой Лондонской конвенции. Однако Петербург планировал выставить против Египта в союзную эскадру военные суда Балтийского флота, чему не суждено было осуществиться в силу консолидированного противостояния как Лондона, так и Вены участию России в военных действиях против Мухаммеда-Али. Между тем и Черноморский флот готовился к десантной операции, масштаб которой (до 40 000 человек), а также сведения, поступавшие в Николаев от Титова, позволяют говорить о том, что эти приготовления были нацелены на противодействие Франции, которая могла выступить на защиту египетского паши и напасть непосредственно на Турцию. Подобный поворот событий в общем контексте предвоенной лихорадки в Европе, когда перед угрозой Парижа оккупировать Рейнскую область Австрия и Пруссия начали военные приготовления, а французские газеты требовали от своего правительства решительных мер по защите Египта от англичан, выглядит вполне реалистичным.

Таким образом, если содержанием первого турецко-египетского кризиса был собственно конфликт между султаном и его вассалом, то во втором кризисе этот конфликт был всего лишь поводом для сведения счетов между европейскими державами в Восточном вопросе. И если первый турецко-египетский кризис можно считать «восточным» (хотя он и нашел свое отражение в европейской политике), то второй был «европейским», и судьба и Мухаммеда-Али, и Абдул-Меджида, по большому счету, решалась в Лондоне, где интересы и Египта, и Турции (хотя последняя и была представлена на переговорах) отступали в сторону перед борьбой интересов Великих держав.

Что же касается действий России (и Черноморского флота в частности), то мы с полной уверенностью можем говорить о том, что Петербург действительно собирался принять участие в умирении Мухаммеда — Али, а, в случае необходимости, и защитить Кон-

стантинополь от нападения как со стороны Египта, так и со стороны европейских держав. Между тем общее положение, сложившееся в мире в те годы, делало невозможными самостоятельные действия России в Восточном вопросе без угрозы войны с одной или несколькими европейскими державами (их готовность к этому была продемонстрирована в 1833 и в 1839 гг.). Однако как внутренние противоречия между ними, так и непредсказуемость последствий войны, а также благоразумие правящих кругов позволили удержать ситуацию в русле мирного решения проблемы и не дать ей сползти к вооруженному столкновению. Между тем солидарное выступление всех европейских держав против активного участия России в разрешении второго турецко-египетского кризиса 1839–1841 гг. обусловило пассивную роль Петербурга в этом процессе, а также окончательную редакцию Второй Лондонской конвенции, которая была крайне невыгодна для России. Однако следует учесть, что вполне реальной альтернативой Лондонской конвенции могла стать война европейских держав против России, что, вне всякого сомнения, следует признать еще менее желательным итогом турецко-египетского кризиса.

